

УДК 008.009:39 (Цивилизация. Культура. Прогресс. Национальная идентичность и взаимодействие культур)

АПОФАТИКА СНА В РАССКАЗЕ А. ГРИНА «БОРЬБА СО СМЕРТЬЮ»: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

© 2021 М.А. Дударева

Дударева Марианна Андреевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка № 2,

заведующая отделом литературоведения и межкультурной коммуникации факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин.

E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Российский университет дружбы народов.

Москва, Московская область, Россия.

Журнал «Невечерний свет/Infinite».

Санкт-Петербург, Россия

Статья поступила в редакцию 02.03.2021

Предмет статьи: апофатика сна. В статье рассматривается, как через художественное произведение реализуется апофатика культуры, а именно изучается апофатическая сторона феномена сна. *Объект статьи:* ранний рассказ А. Грина «Борьба со смертью». Исследователи если и обращаются к данному тексту, то рассматривают его только имманентно, в контексте всего творчества писателя. Однако это произведение представляет особую ценность в культурфилософском осмыслении феномена сна и смерти в русском варианте логоцентризма, поскольку здесь сон выступает условием выздоровления героя, выхода из морбуального состояния. *Методология работы:* целостный анализ художественного текста в онтогерменевтическом ключе с привлечением семантического метода исследования. *Результаты:* выявление апофатического характера сна в рассказе Грина. Сон наделен онтологическими свойствами и смыслопорождающими функциями. Обращение к философским размышлениям об аксиологическом статусе сна немецкого философа Рудольфа Штайнера, чьи идеи были близки представителям Серебряного века, особенно Максимилиану Волошину, также является продуктивным, поскольку антропософ высвечивает апофатическую сторону сна, связанную с дневным и ночным сознанием человека.

Ключевые слова: апофатика, сон, онтология, творчество А. Грина, антропософия Р. Штайнера, смерть.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-77-65-69

Введение. В последние десять лет отечественной гуманитаристики исследователи все чаще рассматривают сон с культурологических и философских позиций, справедливо указывая на связь сна с поступками человека: «Связь сновидческого опыта с этическим, точнее, нравственным, возможно, не столь наглядна, поскольку доминанта нравственного опыта — сфера поступков. Вместе с тем каждому человеку знакомо переживание нравственных коллизий во сне» [9, с. 15]. Однако поступки осмысляются не только во сне, но и *post factum*, после сна. В этой связи показателен опыт мировой художественной культуры, русской литературы, для которой особенно актуален сновидческий, сновидческий дискурс, о чем, собственно, говорить не приходится, стоит лишь обратиться к поэтике А. С. Пушкина, где сон выступает одной из структурных сюжетобразующих единиц (подробно об этом писал еще в начале XX века М. О. Гершензон [4], потом С. Г. Бочаров [1]). Кроме того, современные исследователи справедливо указывают на амбивалентный статус явления: «...сон как феномен ни физиологичен, ни нефизиологичен полностью, по своей сути и речь должна идти о каком-то “резонансе”, мозаичном сочетании объективного состояния мозга и остального организма с субъективным состоянием спящего человеческого духа, а того и другого — с культурными институтами соответствующего социума» [22, с. 98]. Но сложность этого феномена культуры заключается в его

апофатической для человека исключительно *дневного сознания* природе. Здесь обращаемся к апофатике как к феномену культуры, который иррадирует во все исследовательские научные парадигмы: философские [3; 7], филологические [8], культурологические [5] — и связан со многими феноменами культуры, имеющими трансцендентную природу (смерть, болезнь, страх). Этот ряд следует продолжить и размышлениями о феномене сна. В этом аспекте интересны наблюдения о. П. Флоренского о сновидениях, которые «соответствуют... мгновенному переходу из одной сферы душевной жизни в другую и лишь... в воспоминании... развертываются в наш, видимого мира, временной ряд; сами же по себе имеют особую меру времени — “трансцендентальную”» [16, с. 4–5]. Сон априори непостижим, но это не значит, что мы не должны попытаться приблизиться к его апофатическому горизонту и понять его онтологическое назначение. Опыт русской словесной культуры может быть продуктивен в этом отношении, и в данной статье мы обращаемся к апофатической природе сна, составляющей объект исследования в самом широком его понимании. Предметом является способ изображения сновидческого элемента в художественном произведении, рассказе А. Грина «Борьба со смертью», выступающем иллюстративным материалом в работе. Онтогерменевтический анализ позволит высветить культурфилософское значение сна.

Состояние «между смертью и новым рождением» в рассказе Грина. В центре сюжета раннего маленького гриновского рассказа находится герой, «который благодаря силе своего духа преодолевает тяжелейшую болезнь, выходит из безнадежного состояния...» [18, с. 132]. Но интересно, как выходит больной Лорх из морбуального и почти танатологического состояния, посредством чего происходит его выздоровление.

Во-первых, обратим внимание на самое начало рассказа, которое дано в апофатическом ключе: «Меня мучает *недоделанное дело*, — сказал Лорх доктору. — Да: почему вы не уезжаете? — Любезный вопрос, — медленно ответил Димен, сосредоточенно оглядываясь. — Кровать надо поставить к окну. Отсюда, через пропасть, виден весь розовый снеговой ландшафт. Смотрите на горы, Лорх; нет ничего чище для размышления» [6, с. 206]. На вопрос доктора о существовании этого *недоделанного* дела Лорх отшучивается и в итоге признается, что он *придумал* это дело, чтобы выведать о дне своей смерти: «Больной едва слышно рассмеялся. — Вильтон, положим, не придет, — насмешливо сказал он, — и нет у него никакой концессии. Но я узнал, что нужно. Кровать действительно можно переставить к окну» [6, с. 207]. Придуманное недоделанное дело, которого и вовсе нет, становится делом жизни и меняет свой онтологический статус со знака минус на плюс — *объявление о смерти* знаменует начало новой жизни для больного. По тонкому наблюдению философа и танатолога В.В. Варавы, весть о смерти всегда пугает, поскольку связана с чувством невыносимой неожиданности, но именно она аксиологически значима [2, с. 9]. У Грина чувство неожиданности, которое томило больного, наконец разрешается ясностью, и с героем начинают происходить душевные метаморфозы.

Во-вторых, символично в рассказе наличие горного пейзажа с крутым обрывом и цветущим белым кустом за окном Лорха: «Смотря за окно в направлении ног, Лорх видел на обрыве среди камней куст белых цветов» [6, с. 209]. По законам мировой мифологии, гора олицетворяет мировую ось, *Axis Mundi*, добравшись до которой герой завершает свой инициационный путь. Это положение можно хорошо проиллюстрировать примерами из заговорной поэтики: «...заговоры, воплощая отдельные компоненты универсального семантического комплекса смерть — путь, отражают идею посещения потустороннего мира с целью ликвидации исходной ущербности или достижения максимальной гарантированности существования» [19, с. 109]. Окно, из которого видны горы, крутой обрыв и один цветущий куст, здесь является окном в *инобытие*, а не просто частью комнаты: «Лорх видел в россыпи белых звезд полную, над горным хребтом, луну; ее свет падал в пропасть над непроницаемым углом тени» [6, с. 209].

В-третьих, все эти размышления перед окном и горами, единство которых организует *сакральное* открытое пространство в тексте, перемежаются постоянным

сном Лорха. Сначала герой спит после тяжелого разговора с племянником, который ждал кончины дяди, чтобы заполучить желаемое наследство: «Лорх заснул и проснулся вечером, когда стемнело» [6, с. 207]. После мы видим лежащего после сна Лорха: «Тогда, *решив продолжить жить*, он тщательно привел мысли в порядок и понял, что самое главное, — побороть слабость. Лорх резко поднялся. Голова закружилась. Он стал, сидя, раскачиваться; затем, взяв с ночного столика нож, ударил себя им в бедро» [6, с. 209]. Конечно, у Грина, в отличие от Пушкина, Тургенева, Достоевского, герои произведений которых видят красочные сны, находясь на пороге, в предсмертных состояниях, нет подробного описания сна, и мы даже не можем предположить, что снилось больному. Однако важен сам факт *выхода из тела*, выражаясь языком антропософии, с основными положениями которой были знакомы многие представители творческой интеллигенции Серебряного века, а особенно Максимилиан Волошин [13], ближний сосед и друг по киммерийской даче Грина.

У Р. Штайнера, немецкого философа, основоположника антропософского учения, есть отдельные лекции, посвященные назначению и природе сна, который во многом при определенных условиях приравнивается к состоянию, условно называемому «между смертью и новым рождением». Во сне человек, оставляя свое физическое тело и дневное сознание, взаимодействует со сферой трансцендентального, тогда работает его «астральное» тело или подлинное «я»: «Физическое и эфирное тела во время сна остаются в постели. От этих членов мы отличаем затем то, что называем телом сознания, или — пусть нас не смущает это выражение — астральным телом...» [20, с. 148]. Эти как бы эзотерические рассуждения кажутся нелишними, тем более схожее представление о сне как о временной смерти, об этосе сна как о местопребывании человека в *ином* пространстве мы встречаем и в мировой фольклорной традиции (подробнее см. работы этнографа и фольклориста Н. И. Толстого [15]). Этос понимаем вслед за М. Хайдеггером и в российской культурологической школе В. П. Океанским как *на-селенную* вселенную, местопребывание [12; 17]. *Этос сна* у Грина — состояние «между смертью и новым рождением».

Грин как символист-метафизик, по справедливому наблюдению Ким Кен Тэ, за повседневной жизнью прозревает нечто большее, сокрытое от обыденного восприятия [10], и делает это, прибегая к приему сна, измененного психического состояния, включая в структуру произведения элементы фантастического. Однако в рассказе «Борьба со смертью» сон выступает условием выздоровления, а не болезни или измененного психического состояния. После основных кульминационных событий, своих волевых действий, Лорх снова засыпает и просыпается другим человеком: «Лорх проснулся. Взгляд его был стремителен и здоров» [6, с. 211]. Штайнер также рассматривает сон как необходимое условие для излечения именно физического и эфирного тел: «Жизнь продолжается во время

сна, и силы, работающие и творящие во время бодрствования, черпают себе освежение и крепость из того, что дает им сон. <...> Человек, который не черпал бы постоянно из сна подкрепления для своих ослабевших сил, привел бы свою жизнь к разрушению» [21, с. 71].

Наконец, в-четвертых, как ни парадоксально, на первый взгляд, с мотивом выздоровления связан древесный код, оборванные цветы дерева. По славянским фольклорным представлениям, между человеком и деревом существует тесная невидимая связь: «гибель дерева влечет за собой смерть человека» [11, с. 30]. У Грина больной решается на отчаянные меры, чтобы или выздороветь, или умереть: встает с кровати, ударяя себя ножом, принимает смертельную порцию спиртного, пролезает над крутым обрывом к кусту цветов: «Затем он перелез подоконник, прошел, несколько трезвея, вдоль стены, к кусту белых цветов, оборвал их, вернулся и лег, раздевшись, под одеяло, бросив предварительно на него все брюки и пиджаки, какие нашел в шкафу. Сделав это, он вытянулся, приятно вздрогнул и, — вдруг — потерял сознание» [6, с. 210–211]. С одной стороны, следуя за фольклорной логикой, Лорх должен был бы умереть, ведь он оборвал цветы с куста, который символично выступает неким его двойником в рассказе (куст располагался прямо напротив кровати больного). С другой стороны, Лорх как бы обмирает, теряет сознание, теряя последние силы, совершая свои отчаянные поступки, и рискует в онтологическом плане. Но стоит учитывать и особенности колоратива «белый», семантически связанного со смертью, и тогда на символическом языке герой как

бы побеждает, преодолевает смерть, обрывая белые цветы. Кроме того, размышляя о фольклорной традиции в литературе, мы всегда подразумеваем ее трансформацию и латентный характер. В рассказе Грина происходит своеобразный спор с фольклором, или то, что, по словам фольклориста В.А. Смирнова, может означать диалектическое «отрицание», разумеется, с элементами «снятия», то есть продуктивного усвоения тех потенциальных возможностей, которые таятся в фольклоре» [14, с. 4].

Вывод. Рассказ Грина «Борьба со смертью» интересен прежде всего с культурфилософской точки зрения, с точки зрения выявления апофатической стороны феномена сна, который как прием получил широкое распространение в художественной практике начала XX века. Однако сон в произведении воспринимается не как пограничное болезненное состояние, а как необходимое условие для выздоровления больного и прорыва *от тьмы к свету*. Здесь продуктивно обращение к популярному в творческой среде Серебряного века антропософскому учению Р. Штайнера, к его лекциям о сне, болезни и исцелении. Сон не только излечивает физическое тело, но и дает новые силы для жизни души, что было необходимо Лорху, оставленному своими нечестными жадными до наживы родственниками. Параллели с фольклорной традицией, латентно выразившейся в рассказе, также продуктивны и необходимы: сон приравнивается к временной смерти, которая носит инициационный возрождающий характер. Однако вопрос о фольклоризме творчества Грина является сложным теоретическим вопросом и требует отдельных уже филологических разработок.

1. Бочаров, С. Г. О смысле «Гробовщика» (К проблеме интерпретации произведения) // Контекст. Литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1974. – С. 196–230.
2. Варава, В. В. «Дедукция» разума и «индукция» сердца (о жизни и смерти в русской философской культуре) // Вестник Воронежского государственного университета. – 2010. – № 2 (4). – С. 5–16.
3. Варава, В. В. Философская танатология или апофатическая философия? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2013. – № 2 (145). – Вып. 23. – С. 112–117.
4. Гершензон, М. О. Сны Пушкина // Мудрость Пушкина. – Томск: Водолей, 1997. – С. 260–275.
5. Грачев, В. И. Культурфеномен апофатики «Диалектики мифа» А. Ф. Лосева в контексте топохронно-аксиогенной парадигмы культуры [Электронный ресурс] // Культура культуры. – 2019. – № 3. – URL: <http://cult-cult.ru/cultures-the-phenomenon-of-apophatic-the-dialectics-of-myth-by-a-f-losev> (дата обращения: 21.02.2021).
6. Грин, А. С. Борьба со смертью // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Правда, 1965. – Т. 4. – С. 206–211.
7. Гуревич, П., Спирина, Э. Наука в горизонте апофатики // Философская антропология. – 2019. – Т. 5. – № 1. – С. 6–25.
8. Елепова, М. Ю. Эстетика В. А. Жуковского в апофатическом контексте // Дискуссия. – 2012. – № 4 (22). – С. 176–178.
9. Карпова, Л. М. Сновидение и духовный опыт // Гуманитарные исследования. – 2014. – № 1 (2). – С. 13–16.
10. Ким, Кен Тэ. Фантастические новеллы Грина [Электронный ресурс] // Александр Грин. – URL: <http://www.newfoundglory.ru/publikacii/fantasticheskie-novelli-grina.html#bookmark22> (дата обращения: 21.02.2021).
11. Лазарева, А. А. Толкование сновидений в народной культуре. – М.: РГГУ, 2020. – 257 с.
12. Океанский, В. П. Этосы жизни и смерти у Хомякова и Шопенгауэра (культурологические размышления к обоснованию сопоставления) // Соловьевские исследования. – 2011. – Вып. 3 (31). – С. 125–136.
13. Пронина, О. «Руанский собор» Максимилиана Волошина и «Теософия розенкрейцера» Рудольфа Штайнера [Электронный ресурс]. 2005. – URL: <http://www.anthroposophy.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=26&SNS=dfb25a68a04ba8b6e506dde9a24503f7> (дата обращения: 22.02.2021).
14. Смирнов, В. А. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (архетипы «женского начала» в русской литературе XIX — начала XX века): Пушкин. Лермонтов. Достоевский. Бунин. – Иваново: Юнона, 2001. – 234 с.
15. Толстой, Н. И. Народные толкования снов и их мифологическая основа // Очерки славянского язычества. – М.: Индрик, 2003. – С. 303–310.
16. Флоренский, П. А. Иконостас: Избранные труды по искусству. – СПб.: Невский проспект, 1993. – 396 с.
17. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
18. Шевцова, Г. И. Художественное воплощение идеи движения в творчестве А. С. Грина: дис. ... канд. филол. наук. – Елец, 2003. – 165 с.

19. Шиндин, С. Г. Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговоры. – М.: Наука, 1993. – С. 108–127.
20. Штайнер, Р. Аскеза и болезнь // Метаморфозы душевной жизни. Путь внутреннего опыта. Ч. 1. – М.: Эвидентис, 2000. – С. 145–174.
21. Штайнер, Р. Сон и смерть // Очерк тайноведения. – Харьков: Фолио, 2004. – С. 70–120.
22. Щавелев, С. П. Вечная тень реальности: очерк философской антропологии сновидений // Научные ведомости БелГУ. – 2014. – № 9 (180). – Вып. 28. – С. 92–99.

APOPHATIC OF SLEEP IN A. GRIN'S STORY "STRUGGLE WITH DEATH": ONTOLOGICAL AND CULTURAL ASPECTS

© 2021 M.A. Dudareva

Marianna A. Dudareva, PhD in Philology, senior lecturer of the Department of Russian language no. 2 of the FRYA and OD.

E-mail: *marianna.galieva@yandex.ru*
Peoples ' friendship University of Russia.
Moscow, Russia

Subject of the article: apophatic of sleep. The article examines how the apophatic of culture is implemented through a literary work, namely, it considers the apophatic side of the phenomenon of sleep. Object of the article: A. Grin's early story "Struggle with Death". If researchers refer to this text, they consider it only immanently, in the context of all the works by the writer. However, this story is of particular value in the cultural-philosophical understanding of the phenomenon of sleep and death in the Russian version of logocentrism, since in this story sleep is a condition for the character's recovery, the way out of the morbid state. Research methodology: a holistic analysis of a literary text in the ontohermeneutic way with the use of a semantic research method. Research results: the identification of the apophatic nature of sleep in Grin's story. Sleep is endowed with ontological properties and meaning-generating functions. The appeal to philosophical reflections on the axiological status of sleep by the German philosopher Rudolf Steiner, whose ideas were shared by the representatives of the Silver Age, especially Maximilian Voloshin, is also productive, since the anthroposophist highlights the apophatic side of sleep associated with day and night human consciousness.

Keywords: apophatic, sleep, ontology, A. Grin's works, R. Steiner's anthroposophy, death.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-77-65-69

1. Bocharov, S. G. O smysle «Grobovshhika» (K probleme interpretacii proizvedenija) (On the meaning of the "Undertaker" (On the problem of interpreting the work)) // Kontekst. Literaturno-teoreticheskie issledovanija. – М.: Nauka, 1974. – S. 196–230.
2. Varava, V. V. «Dedukcija» razuma i «indukcija» serdca (o zhizni i smerti v ruskoj filosofskoj kul'ture) ("Deduction" of reason and "induction" of the heart (about life and death in Russian philosophical culture)) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 2 (4). – S. 5–16.
3. Varava, V. V. Filosofskaja tanatologija ili apofaticheskaja filosofija? (Philosophical thanatology or apophatic philosophy?) // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo. 2013. № 2 (145). Vyp. 23. S. 112–117.
4. Gershenzon, M. O. Sny Pushkina (Pushkin's Dreams) // Mudrost' Pushkina. – Tomsk: Vodolej, 1997. – S. 260–275.
5. Grachev, V. I. Kul'turfenomen apofatiki «Dialektiki mifa» A. F. Loseva v kontekste topohronno-aksiogennoj paradigmy kul'tury (The cultural phenomenon of apophaticism "Dialectics of myth" by A. F. Losev in the context of the topochronous-axiogenic paradigm of culture) [Jelektronnyj resurs]. Kul'tura kul'tury. 2019. № 3. URL: <http://cult-cult.ru/cultures-the-phenomenon-of-apophatic-the-dialectics-of-myth-by-a-f-losev> (data obrashhenija: 21.02.2021).
6. Grin, A. S. Bor'ba so smert'ju (Struggle with death) // Sobr. soch.: v 6 t. – М.: Pravda, 1965. – T. 4. – S. 206–211.
7. Gurevich, P., Spirova, Je. (2019). Nauka v gorizonte apofatiki [Science in the Apophatic Horizon] // Filosofskaja antropologija. № 1. T. 5. S. 6–25.
8. Elepova, M. Ju. Jestetika V. A. Zhukovskogo v apofaticheskom kontekste (V. A. Zhukovsky's aesthetics in an apophatic context) // Diskussija. 2012. № 4 (22). S. 176–178.
9. Karpova, L. M. Snovidenie i duhovnyj opyt (Dreaming and spiritual experience) // Gumanitarnye issledovanija. – 2014. – № 1 (2). – S. 13–16.
10. Kim, Ken Tje Fantasticheskie novelly Grina (Green's fantastic short stories). [Jelektronnyj resurs] // Aleksandr Grin. URL: <http://www.newfoundglory.ru/publikacii/fantasticheskie-novelli-grina.html#bookmark22> (data obrashhenija: 21.02.2021).
11. Lazareva, A.A. Tolkovanie snovidenij v narodnoj kul'ture (Interpretation of dreams in folk culture). – М.: RGGU, 2020. – 257 s.
12. Okeanskij, V.P. Jetosy zhizni i smerti u Homjakova i Shopengaujera (kul'turologicheskie razmyshlenija k obosnovaniju sopostavlenija) (Ethos of life and death in Khomyakov and Schopenhauer's works (cultural reflections to proof of comparison)) // Solov'evskie issledovanija. – 2011. – Vyp. 3 (31). – S. 125–136.
13. Pronina, O. «Ruanskij sobor» Maksimiliana Voloshina i «Teosofija rozenkrejcera» Rudol'fa Shtajnera ("Rouen Cathedral" by Maximilian Voloshin and "Theosophy of the Rosicrucian" by Rudolf Steiner) [Jelektronnyj resurs]. 2005. URL: <http://www.anthroposophy.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=26&SNS=dfb25a68a04ba8b6e506dde9a24503f7> (data obrashhenija: 22.02.2021).
14. Smirnov, V. A. Literatura i fol'klornaja tradicija: voprosy pojetiki (arhetipy «zhenskogo nachala» v ruskoj literature XIX – nachala XX veka): Pushkin. Lermontov. Dostoevskij. Bunin (Literature and folklore tradition: questions of poetics (archetypes of the "feminine

- principle” in Russian literature of the XIX - early XX centuries): Pushkin. Lermontov. Dostoevsky. Bunin). – Ivanovo: Junona, 2001. – 234 s.
15. Tolstoj, N. I. Narodnye tolkovanija snov i ih mifologičeskaja osnova (Folk interpretations of dreams and their mythological basis) // Očerki slavjanskogo jazychestva. – M.: Indrik, 2003. – S. 303–310.
16. Florenskij, P. A. Ikonostas: Izbrannye trudy po iskusstvu (Iconostasis: Selected works on art). – SPb.: Nevskij prospekt, 1993. – 396 s.
17. Hajdegger, M. Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija (Time and Being: Articles and Speeches). – M.: Respublika, 1993. – 447 s.
18. Shevcova, G. I. Hudozhestvennoe voploshhenie idei dvizhenija v tvorčestve A. S. Grina (Artistic embodiment of the idea of movement in the work of A. S. Green): diss... kand. filol. nauk. – Elec, 2003. – 165 s.
19. Shindin, S. G. Prostranstvennaja organizacija russkogo zagovornogo universuma: obraz centra mira (Spatial organization of the Russian conspiracy universe: the image of the center of the world) // Issledovanija v oblasti balto-slavjanskoj duhovnoj kul'tury. Zagovory. – M.: Nauka, 1993. – S. 108 – 127.
20. Shtajner, R. Askeza i bolezn' (Asceticism and illness) // Metamorfozy duševnoj zhizni. Put' vnutrennego opyta. Ch. 1. – M.: Jevidentis, 2000. – S. 145–174.
21. Shtajner, R. Son i smert' (Sleep and death) // Očerki tajnovedenija. – Har'kov: «FOLIO», 2004. – S. 70–120.
22. Shhavelev, S. P. Vechnaja ten' real'nosti: očerki filosofskoj antropologii snovidenij (Eternal shadow of reality: an outline of the philosophical anthropology of dreams) // Nauchnye vedomosti BelGU. – 2014. № 9 (180). – Vyp. 28. – S. 92–99.